

Юбилей А. В. Постникова в ИИЕТ РАН

30 марта 2009 г. состоялось заседание ученого совета ИИЕТ РАН, посвященное 70-летию директору института, доктора технических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации А. В. Постникова. Открылось оно докладом академика В. М. Котлякова, который, отметив, что жизненные пути его и юбиляра пересеклись еще в конце 1970-х гг., и с тех пор по многим направлениям им приходится работать вместе или рядом, выразил желание рассказать о жизненном пути А. В. Постникова, который он счел очень интересным.

Свой рассказ Владимир Михайлович начал с родителей. Мать А. В. Постникова Мария Алексеевна (1905–1989) была младшей из 12 детей в семье выходцев из крестьян Смоленской губернии. Ее отец, будучи талантливым механиком, увез семью в Москву, где приобрел редкую по тем временам специальность техника по дизельным двигателям. Так что к революции 1917 г. семья (в которой выжило к тому времени лишь пять детей) жила в достатке, а своей старшей дочери Татьяне отец дал возможность получить образование «барышни» в Институте благородных девиц. После кончины отца в 1913 г. благополучие семьи пошло на смарку – спасением была лишь дача в Кубинке, на которой бабушка Варвара и ее три младших дочери вернулись к сельскому хозяйству. Мать Алексея Владимировича была в этой семье «за мужчину» – пахала, косила сено, доила корову и возила молоко на продажу в Москву и, все

это одновременно с блестящей учебой в Екатерининской женской гимназии, которая сохранила высокий уровень образования и после революции. По окончании гимназии Мария Алексеевна поступила в Инженерно-строительный институт, а со второго курса ее перевели в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева, по окончании которой она всю жизнь служила в Советской Армии и вышла в отставку в звании инженера-подполковника.

Во время отдыха в военном санатории в Гурзуфе она познакомилась с будущим отцом А. В. Постникова Владимиром Михайловичем Константиновым. Он в это время тоже был офицером, но формы никогда не носил и не фотографировался, так как был резидентом Главного разведывательного управления Министерства вооруженных сил СССР.

Родился Владимир Михайлович в 1903 г. в Иркутске в семье будущего профессора Иркутского университета. Семья была удивительна тем, что все дети с самых ранних лет общались с родителями на трех языках: русском, английском и японском. Отец же А. В. Постникова обладал удивительными природными лингвистическими способностями и к 30 годам в совершенстве владел шестью языками (двумя восточными – японским и китайским и четыре европейскими – английским, итальянским, испанским и французским). Не исключено, что такие способности к языкам были связаны с весьма необычайными «корнями» семьи со стороны отца. Его дед был эвенкийским шаманом (по имени

Константин), который в возрасте 16 лет ушел из прибайкальской тайги, а позднее получил высшее образование и дворянство. Далее последовала романтическая история его любви к графине Марине Строгановой (дочери министра финансов России того времени), благополучно завершившаяся (несмотря на противодействие отца девицы) счастливым браком, ставшим истоком талантливой семьи сибирских интеллигентов Константиновых. Ее представители отличились в геолого-географических и гуманитарных науках. Отец по окончании гимназии учился некоторое время в Иркутском восточном институте, окончил музыкальное училище по классу скрипки, а затем увлекся коммунистическими идеями и даже воевал против Колчака. По окончании гражданской войны он направился было учиться в Московскую консерваторию, но «товарищи по партии», учитывая его красновардейское прошлое и знание японского языка, настоятельно посоветовали поступить в Институт востоковедения, по окончании которого отец был сразу направлен в Японию, где работал в представительстве СССР. Параллельно он занимался научными исследованиями и закончил Университет Васэда в Токио по специальности «древнеяпонский язык и история Японии». По линии ГРУ он был связан с группой Р. Зорге.

Во время кратких поездок в СССР он учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе на Специальном факультете (разведки). Помимо этого также по приказу начальства он заочно окончил курс Ленинградского политехнического института по специальности «Авиационная техника». Сразу после сдачи государственных экзаменов в академии в конце 1938 г. он был арестован, провел два года под страшным следствием и

далее, осужденный на 25 лет по 58-й статье как японский шпион, попал в лагерь под Хабаровском, который по сути был востоковедческой «шарашкой». Все эти годы Владимир Михайлович продолжал работать по специальности, переводил допросы настоящих японских шпионов и перебежчиков, занимался расшифровкой, анализом и переводом японских материалов по подготовке бактериологической и химической войны.

Алексея Владимировича и его мать судьба родственников «врага народа» миновала, так как официально брак матери с отцом зарегистрирован не был. Полностью реабилитированный в 1957 г., Владимир Михайлович вернулся в Москву и до конца жизни (а умер он в 1968 г.) работал в Институте востоковедения АН СССР. Он защитил докторскую диссертацию, основанную на переводе и исследовании японского источника XVIII в. «Оросия коку суймудан» («Сны о России») – рукописной хроники восьмилетнего пребывания в России японских моряков, заброшенных штормом на Камчатку. Изначально диссертация защищалась как кандидатская, но по предложению академика Конрада была зачтена как докторская.

В юности Алексей Владимирович жил с мамой в крохотной комнатке в квартире, которая до революции принадлежала его старшей тете. Ее муж Николай Аретов был литературоведом, а поэтому в квартире размещалась чудом сохраненная им во время революции великолепная библиотека, включавшая помимо значительного собрания зарубежной и отечественной классики литературу Серебряного века, в то время практически недоступную для советского читателя. Хорошее знакомство Алексея Владимировича в юности с этой литературой оказало

большое влияние на становление его мировоззрения.

Дети в семье Аретова были физиками, и один из них с 1943 г. работал в институте И. В. Курчатова и последние годы был главным инженером сектора академика М. А. Леонтовича. В подражание ему Алексей Владимирович мечтал стать таким же физиком-ядерщиком, но этой мечте не было суждено сбыться «по вине» самой ядерной физики: работая перед поступлением в Научно-исследовательском институте ядерной физики физфака МГУ он по неосторожности одного из сотрудников лаборатории облучился и не был принят в МГУ по решению медицинской комиссии. Так что в МИИГАиК он попал почти случайно, но весьма удачно.

В этом месте стоит упомянуть еще одного человека, оказавшего на Алексея Владимировича громадное духовное влияние. Это его няня Иулиана Ефимовна Колесникова, которую мать Алексея Владимировича буквально спасла от голодной смерти в 1943 г. в городе Бийске, где несчастная бывшая монахиня бедовала после десятилетнего заключения в одном из казахских лагерей. Няня провела в их семье всю оставшуюся долгую жизнь (она скончалась в возрасте 88 лет), а Алексей Владимирович был для нее, бесспорно, самым любимым и близким человеком. Эта почти неграмотная женщина обладала врожденной крестьянской мудростью, непоколебимыми нравственными устоями и глубокой верой.

Окончив в 1959 г. среднюю школу с серебряной медалью, Алексей Владимирович пришел на картографический факультет Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. В МИИГАиК он попал в очень удачный период его истории, особенно в от-

ношении географии. Здесь преподавали такие ведущие профессора того времени как Рихтер, Пиотровский, Преображенский, Подобедов и Живаго. В конечном итоге Алексей Владимирович настолько увлекся географией, что стал специализироваться в области полевого редактирования топографических карт. Это было время незабываемых полевых практик, самая короткая из которых (на первом курсе) продолжалась три месяца. Апофеозом этих практик была производственная шестимесячная практика в Якутии, во время которой Алексей Владимирович во главе партии из помощника, рабочего и оленевода с семьей и 50 оленями прошел по дикой горной тайге Алдано-Учурского хребта больше 1200 км.

Далее под влиянием замечательного океанографа А. В. Живаго Алексей Владимирович стал специализироваться в съемках и геоморфологическом картографировании рельефа морского дна, провел четыре месяца преддипломной практики в Норвежском, Баренцевом и Белом морях на борту учебно-научного судна «Батыйск» Мурманского высшего мореходного училища, а по окончании института стал научным сотрудником этого судна, заведующим лабораторией глубоководного морского промера. Он участвовал в многомесячном плавании в Северном Ледовитом и Атлантическом океанах, составил множество профилей и карт морского дна. Этот полуторагодичный период его деятельности был отмечен знакомством с еще одним интереснейшим человеком – профессором М. М. Ермалаевым, выдающимся исследователем Арктики, который тоже долгие годы провел в лагерях ГУЛАГа.

По возвращении из Мурманска в Москву Алексею Владимировичу

было предложено место редактора карт создававшегося в то время в Главном управлении геодезии и картографии совместно с Институтом всеобщей истории АН СССР и Московским университетом «Атласа всемирной истории». Работа над историческими картами и общение со многими ведущими историками и этнографами, в том числе академиком Б. А. Рыбаковым, настолько увлекли Алексея Владимировича, что изменили всю его дальнейшую судьбу. В течение короткого периода (1966–1968) выполнявшаяся работа предоставила ему счастливую возможность сотрудничества с отцом, который составлял для атласа карты по средневековой Японии.

В течение шести лет работы над «Атласом всемирной истории» Алексей Владимирович разрабатывал карты самой разной тематики по древней и средневековой истории зарубежных государств, например, «Доколумбовые культуры и цивилизации Америки», «Древняя и средневековая история Англии», «Завоевания и колонии Римской империи в Европе», «Походы Александра Македонского», «Крестовые походы» и многие др. В эти годы он поступил в заочную аспирантуру МИИГАиК, где под руководством А. И. Преображенского защитил кандидатскую диссертацию на тему «Методы составления карт по древней и средневековой истории в академическом атласе Всемирной истории». К этому моменту были завершены авторские и составительские работы по первому тому «Атласа», но, к сожалению, по решению нового начальника ГУГКа генерал-лейтенанта И. А. Кутузова работы над ним прекратились.

В это время Алексея Владимировича пригласили в Сектор исторической географии и картографии Института

истории СССР, где в то время началась разработка «Академического атласа истории СССР». Теперь он продолжил свои разработки уже применительно к картам по отечественной истории. Именно в этот период он был включен в группу исследователей, занимавшихся изучением историко-географических аспектов формирования русско-китайской границы и происхождения различных разночтений в трактовке ее прохождения на местности, которые привели к многолетнему конфликту между СССР и КНР, иногда приводившему к кровопролитию.

Наверное, эти исследования стали главной работой Алексея Владимировича. Они заключались в изучении истории формирования русско-китайской границы и реконструкции на местности линии ее прохождения в соответствии с официальными двухсторонними пограничными актами. Эта работа, начинавшаяся как очень секретная и не имевшая никаких шансов быть опубликованной, тем не менее увлекала его своим почти детективным сюжетом, практически не ограниченными возможностями использования всех советских и части зарубежных архивных фондов, а также, что, наверное, самое главное, в ее процессе он смог своими глазами увидеть на местности почти всю советско-китайскую границу, сравнить старые крупномасштабные карты приграничных территорий с современными и проверить непосредственно в поле разработанные им методики использования старых карт и описаний для восстановления наиболее вероятной линии прохождения границы с использованием разных (в том числе археологических) методов контроля правильности полученных результатов.

В 1977 г. Алексей Владимирович перешел на работу в качестве старшего научного сотрудника в Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта, а в 1980 г. по ходатайству Министерства иностранных дел СССР был переведен в Институт истории естествознания и техники АН СССР. Здесь он работал в должностях старшего и ведущего научного сотрудника, заведующего сектором истории геологии и географии, заведующего отделом истории наук о Земле, а с 1996 г. – заместителем директора, а с 2004 г. – директором.

В 1970-х и 1980-х гг. он продолжал активно заниматься работами по истории географического изучения и картографирования приграничных территорий России и Китая. Наиболее активными эти исследования были в период с 1982 по 1986 гг., когда Алексей Владимирович официально входил в состав Межведомственной комиссии по односторонней проверке Государственной границы СССР с КНР, возглавляя в ней группу научных экспертов. По итогам этой работы, включавшей интенсивные исследования документов практически всех имеющихся советских государственных, республиканских и областных архивов (в том числе секретных), хранилищ Великобритании, Франции, Финляндии, Швеции и Голландии, а также полевые работы на большей части советско-китайской границы (особенно ее западного среднеазиатского участка), Алексей Владимирович написал трехтомную (в то время секретную) работу по истории географического изучения и картографирования всей границы СССР с КНР за период с XVII до начала XX вв. За выполнение этой работы он был награжден почетной грамотой КГБ СССР, а также благодарностью и премией Президиума

АН СССР. Материалы этого исследования активно использовались советскими и российскими дипломатами на переговорах с китайской стороной по пограничному урегулированию, а также при создании нового межгосударственного договора по границе.

В 1990 г. по материалам этих же исследований Алексей Владимирович защитил докторскую диссертацию «История географического изучения и картографирования районов русско-китайской границы», а впоследствии опубликовал монографии «Схватка на Крыше Мира: Политики, географы и разведчики в борьбе за Памир в XIX веке» (дважды издана в России (2001, 2005), а также в переводе на пуштунский язык в Германии) и «Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.): роль историко-географических исследований и картографирования: монография в документах» (2007).

В 1974 г. Алексей Владимирович был впервые избран действительным членом Постоянной комиссии по истории картографии Международной картографической ассоциации, а в 1976 г. был ученым секретарем VIII Международной картографической конференции этой ассоциации, проходившей в Москве вместе с XXIII Международным географическим конгрессом. В 1999–2003 гг. он был сопредседателем Постоянной комиссии по истории картографии Международной картографической ассоциации, а в 2003 г. избран ее председателем.

В 2001 г. Алексею Владимировичу присвоено звание профессора по специальности «История науки и техники», а в 2002 г. он был избран членом-корреспондентом Международной академии истории науки (Париж) по специальности «история

географии». В том же году он избран членом-корреспондентом Европейской академии наук (Брюссель) по специальности «География». Кроме того, с 1992 г. Алексей Владимирович постоянно избирается в Президиум Русского географического общества (РГО) и одновременно занимает пост заместителя председателя Московского центра РГО.

С 1992 г. и до настоящего времени он является почетным членом и представителем от России в Хакллойтском историко-географическом обществе (Лондон), занимающемся публикацией письменных памятников истории географических исследований и открытий. С 1990 г. он – член-корреспондент редакционной коллегии Международного журнала по истории картографии *Imago mundi* (Лондон). В 2000 г. избран членом Совместной комиссии по истории географической мысли Международного географического союза и Международного общества по истории и философии науки. В 1992 г. Алексей Владимирович также избран членом-корреспондентом Российской академии естественных наук, а в 1996 г. – ее действительным членом.

В 1990–1991 гг. Алексей Владимирович получил трехмесячные исследовательские стипендии Центра по истории картографии Хермона Данлопа Смита Библиотеки Ньюберри (Чикаго, США) и Центра по истории карт Коллекции Американского географического общества университета Висконсин-Милуоки (Милуоки, США). В 1993–1994 гг. он почти целый год проводит в Чикаго как стипендиат уже упомянутого Центра по истории картографии Хермона Данлопа. Работа в этих центрах позволила завершить монографическое исследование на тему «Русская Америка в географических картах и

описаниях 1741–1876 гг.», изданное в 2000 г. Сейчас в США издается английский перевод этой книги.

В 1996 г. по приглашению Королевской Академии литературы, истории и древностей в качестве профессора-гостя Алексей Владимирович проводил исследования в шведских архивах и библиотеках и в том же качестве по приглашению Британской академии занимался изысканиями в Национальном архиве Великобритании и Британской библиотеке. В 1998–1999 гг. он проводил исследования в Японии в Саппоро в качестве профессора-гостя Славянского исследовательского центра. В 2001 г. был стипендиатом университета в Милуоки (США), а позднее – гостем-исследователем Центра русских исследований Гарвардского университета (США). Все эти поездки были чрезвычайно плодотворны и дали обширные материалы для исследований и разработок Алексея Владимировича. В 2004 г. указом Президента Российской Федерации ему присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Таким образом, Алексей Владимирович – лидер отечественных исследований по истории географии и картографии, картографическому и географическому источниковедению. Он успешно развивает новое научное направление, в котором фундаментальные разработки проблем истории географической науки сочетаются с исследованием возможностей использования старинных географических материалов и карт в качестве источника для решения актуальных проблем территориальной организации природы и общества. Основная идея этого направления – углубленное выявление и изучение старинных географических материалов (различных

описаний, рядов наблюдений и карт) как историко-научных источников и документов, характеризующих былое состояние природной среды. Такие исследования позволяют воссоздать историю изучения и освоения природных ресурсов, а также дают исходные данные, необходимые для исследования динамики природных процессов и антропогенной трансформации географической среды. Исследования по истории освоения природных ресурсов заполняют культурный разрыв между традиционным и современным природопользованием. Анализ истории природопользования делает доступным богатый опыт дореволюционной России в области оценки земель и составления земельных кадастров, поземельного обложения, традиций обычного права в области использования земель, лесов и вод. Истори-

ческий анализ изучения, использования и охраны природы и ее ресурсов позволяет проследить многовековой процесс выработки оптимального подхода к природопользованию и формированию способов взаимодействия социума с географической средой. Так что значимость работ Алексея Владимировича бесспорна.

* * *

А. В. Постникова поздравили академики Ю.В. Гуляев и М. Я. Маров, генеральный директор Политехнического музея Г. Г. Григорян, представители других институтов, архивов и издательств, а также ученики юбиляра. Вице-президент Профсоюза работников РАН А. В. Кузнецов вручил А.В. Постникову Почетную грамоту Российской академии наук.

От редакции

Сравнительно недавно отмечалось 80-летие Григория Моисеевича Идлisa. Редакция журнала «Вопросы истории естествознания и техники» с некоторым запозданием поздравляет его с этим внушительным юбилеем и выражает свое восхищение неиссякаемой творческой энергией и абсолютной преданностью юбиляра идеалам науки.

Григорий Моисеевич пришел в Институт истории естествознания и техники АН СССР в 1972 г., будучи уже известным астрономом, астрофизиком, автором знаменитого ныне антропного космологического принципа и ряда важных научных результатов, а также нескольких монографий по проблемам космической материи и динамике звездных систем. В институт его привели интерес к науковедению и стремление к философскому и историческому осмыслению наук о космосе. Вскоре он стал одним из лидеров истории астрономии в стране: в течение ряда лет руководит общесоюзным семинаром по истории астрономии и возглавляет редколлегия ежегодника «Историко-астрономические исследования».

Григорий Моисеевич никогда не отделял астрономию от физики, история и методология которой также были в центре его интересов. В 1985 г. вышла его монография «Революции в астрономии, космологии и физике», в которой были рассмотрены четыре глобальных, научных, революции: аристотелева, ньютонова, эйнштейновская и постэйнштейновская. При этом особое внимание было уделено аристотелевой революции, которая, по мнению автора, оказалась своеобразным прототипом трех последующих.

Научный универсализм Г. М. Идлisa сочетается с его организационно-административным талантом: он возглавляет редколлегия ежегодника «Исследования по истории физики и механики» и руководит отделом истории физико-матема-

тических наук. Благодаря этому таланту, а также мудрости и человечности Григория Моисеевича, в отделе сохраняется дружеская и творческая атмосфера.

Со временем Григория Моисеевича стала привлекать проблема первоначал не только физики и космологии, но и естествознания в целом. В конце 1980-х гг. он выдвинул концепцию, согласно которой существуют четыре родственные периодические системы основных структурных элементов материи (наподобие периодической системы Д. И. Менделеева), соответствующие четырем уровням ее самоорганизации: физическому, химическому, биологическому и психологическому. Эти системы легли в основу курса лекций «Концепции современного естествознания», который Г. М. Идлис читает в Российском государственном гуманитарном университете. Число ипостасей юбиляра возросло: он стал еще и естествоиспытателем-теоретиком, борцом за единство естествознания и даже в некотором роде натурфилософом (с тяготением к антропософии Р. Штейнера).

Нельзя сказать, что эта концепция Г. М. Идлиса, особенно в той части, которая касается психологического уровня и доказательства существования Высшего Разума, встретила всеобщее признание, как, впрочем, и его идея о связи творческой активности ученых с пиками солнечной активности, но он верит в логику своих построений и уверен в своей правоте. При этом он весьма терпим в отношении взглядов и подходов, не совпадающих с его собственными. Научно-педагогическая общественность высоко оценила педагогические новации Григория Моисеевича, избрав его в Международную академию наук педагогического образования, членом президиума которой он является.

Своими учителями Г. М. Идлис считает выдающихся отечественных ученых – астронома В.Г. Фесенкова и математика А. Д. Александрова, о которых он немало писал и вспоминал с большой теплотой. Верность и благодарность своим учителям – характерная черта юбиляра. Наконец, Григорий Моисеевич – незаурядный «научный стихотворец». К своему 75-летию он сумел облечь свою творческую биографию в стихи, отразив в них свои научные достижения с поразительной точностью.

Редколлегия журнала желает Григорию Моисеевичу здоровья и сохранения того же накала мыслей и страстей, того же горения, которыми были всегда наполнены его поиски истины.

Особый сплав ума и веры: к 80-летию юбиляру Г. М. Идлиса

О современной науке сказано столько, сколько не смогут вместить в себя самые объемные по размеру энциклопедии. Ее перспективы, возможности, достижения столь разнообразны, а количество участвующих в обсуждении этих предметов столь велико, что поневоле может зародиться подозрение – а возможно ли все это богатство многообразия привести хоть к какому-то единству?

Пережив ригоризм логического позитивизма, критический натиск фальсификационизма, релятивизм представителей социологии науки, наконец, эпистемологический анархизм и пост-

модернизм, рассуждающие о «науке» все-таки согласны в том, что современная ее форма ни на что не похожа и, поэтому, ее следует называть «постнеклассической». Что же приводится в качестве главной и существенной черты «постнеклассической науки»? В ответе на заданный вопрос сходятся во мнении если не все, то уж точно большинство участников обсуждения – главной ее чертой является невозможность адекватного описания (объяснения) природных объектов без включения в это описание самого исследователя (наблюдателя).

Однако такое видение науки прямо